

УДК 821.161.1

РУССКИЙ ЭПИКУРЕЙСКИЙ РОМАНТИЗМ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ, МОТИВЫ, ПОЭТИКА

А.Н. Паикуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматривается феномен русского эпикурейского романтизма первой трети XIX в. в контексте основных постулатов учения Эпикура и современных проблем изучения такого явления, как русская античность (Г.С. Кнабе). Материалом анализа выступают стихотворения К.Н. Батюшкова, Д.В. Давыдова, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова. Приоритетно важно, что именно эпикурейский романтизм начинает процесс трансформации традиционного бинарного мышления, во многом отказываясь от канонов двоемирия и синтезируя новое знание в символообразах *сна*, *покоя*, *хмеля* как красоты и *красоты* как хмеля. Одна из ближайших перспектив исследования – комплексное рассмотрение соотношения эпикурейских идеалов гармонии и покоя с явлением иронии в поэтике русского романтизма; среди непосредственных преемников феномена эпикурейского романтизма в отечественной литературной культуре – русская антологическая поэзия XIX в. и лирико-философские эксперименты отечественной словесности Серебряного века.

Ключевые слова: эпикурейский романтизм, русская поэзия первой трети XIX века, тринитарные системы, архетипические образы, «срединная культура», этическое учение о гармонии, философия Эпикура

Лови день.
Эпикур

...Потупляю глаза в землю и на вопрос, что я теперь делаю, отвечаю: пишу стихи! Для таковых занятий благородных – здесь полное удобство и холь благодатная. Я так доволен собою, что не думаю вовсе ни о прошедшем, ни о будущем; живу так безмятежно, что, в прям[ом] смысле, не слышу бега часов – зане их здесь нет почти во всём околоте! И благодарю небо за всё это счастье, истинно Горацианское! Да будет же препрославлено время, мною здесь проводимое! Теперь воспеваю урочища Камбийские – места, священные мне по некоторым воспоминаниям и довольно способные (своими красотами дикими и величественными, за недостатком лучших) изображаться стихами¹.

Н.М. Языков,
из письма брату Саише от 19 августа 1827 г.

Проблема генезиса, эволюции и типологии античной традиции в истории, культуре и словесности России разных эпох очень многогранна и, по большому счёту, неисчерпаема. При всей, на первый взгляд, монолитности и гармоничности мирокартины антики, со сквозными мифологемами калокагатии, разумной ойкумены, творческого бессмертия, бесспорно, отчётливо различимы как между собой, так и суверенно анакреонтика, горацянство, платонизм и неоплатонизм... (Примеры можно множить до бесконечности.)

Свою нишу занимает философско-эстетическое наследие Эпикура. Причудливым образом здесь оказались переплетены культ духовного и телесного, поэтика обыденного и высоко-идеального – собственно, большинство оппозиций, на новый виток вынесенных в Новое время мировым романтизмом. В этой связи нам и интересно, продуктивно поговорить о такой внутривидовой ветви русского романтизма первой трети XIX в., как *эпикурейский романтизм*.

Ключевую для всего античного сознания идею гармоничного бессмертия эпикуреизм соединил с рефренным мотивом удовольствия и наслаждения. Бессмертие в наслаждении – вот его кредо². А.С. Пушкин в одном из ранних своих манифестов поэтично определил:

– «Слушай, юноша любезный,
Вот тебе совет полезный:
Миг блаженства век лови...» (ПС, с. 305).

Высшая цель фактически любого преобразования эпикуреизма в последующие эпохи – нравственно-эстетическое созидание и изучение малой вселенной человеческого «я» в диалоге с большой вселенной мироздания. Уже освящена многими веками интерпретаций традиция рассматривать учение Эпикура как совокупность трёх уровней – «каноника», физика и этика. Суждения о древнегреческом философе и его школе в последующих системах восприятия нередко весьма противоречивы, во многом – в зависимости от идеологического контекста. Так возникли ключевые формулы-шаблоны:

- *Эпикур – родоначальник материалистической философии,*
- *Эпикурейство – культ чувственных наслаждений,*
- *Школа Эпикура – оппонент религии.*

Для нас же важно, что это философско-этическое учение оказало глубокое влияние на отечественную духовно-философскую мысль ещё со времён наследования византийского опыта (см. [2, 3]). Единый «нравственный знаменатель» эпикуреизма как раз и привлёк внимание отечественных философов и писателей. К началу XIX в., в его первые десятилетия, диалог с наследием Эпикура, как убедительно показано в диссертационном исследовании М.М. Шахнович [4], становится в России более чем многомерным.

Основные аксиомы-итоги эпикуреизма:

- а) ключевая задача философии – создание этики, «учения о поведении, способном привести к счастью» [5];
- б) чувственное восприятие не что иное, как критерий истинности познания [5];

¹ Здесь и далее в цитатах сохранены языковые особенности оригинала. – А.П.

² Системную интерпретацию этих эпикурейских концептов в современной западной философской мысли см. [1, р. 1–21].

в) этика есть этика свободы, причём «условием возможности свободы для поведения человека может быть, по мысли Эпикура, только предпосылка свободы в самой природе, в элементах физического мира» [5];

г) «смысл наслаждения – не в самом наслаждении, но в очищении от страданий... Самое важное – внутреннее спокойствие человека, в котором и заключено истинное наслаждение» [6].

Неслучайно наследием Эпикура заинтересовались любомудры. «Диалог с философом» – так Е.Н. Федосеева назвала в своей монографии специальный раздел, посвящённый данной стороне вопроса. Это вдвойне показательно, потому что во многом именно эпикурейская «школа в садах» – родоначальница явления диалога-прогулки в мировой культурно-философской традиции [7, с. 138–148].

Итак, завершая прологовый обзор, резюмируем: всё выше обозначенное подводит к необходимости изучения эпикурейского романтизма в отечественной литературной культуре, где, как представляется, это явление занимает достаточно своеобразное положение, будь то история русского романтизма или вся система нашей словесности Золотого века; в исторической ретроспективе – весьма разветвлённая структура антикизирующей традиции в России, в первую очередь *русская анакреонтика*³, а также многопрофильный и полиуровневый культурно-философский феномен *русской античности* [9].

Подобное, по гипотезе Г.С. Кнабе, возникает на третьем (вершинном) уровне восприятия культурного опыта предшествующих знаковых эпох: вначале происходит заимствование отдельных элементов этого наследия, далее настанет черёд активизироваться процессам воздействия былой культуры на позднейшую в результате исторических контактов их носителей, наконец, высшая ступень – возникновение и эволюция своего рода *энтелехии культуры*, то есть поглощения «определённым временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи на том основании, что они оказались созвучными другой, позднейшей эпохе и способными удовлетворить её внутренние потребности и запросы» [9, с. 19]. Как раз на последней из стадий и формируется целостное явление, которое составляет основу всех других видов взаимодействия культур. В этом процессе преобразуется и сама наследуемая эпоха, поскольку она «предстает не в исторически объективном виде, а в виде образа» [9, с. 20].

Сразу заметим: во многом как раз в эпикурейском романтизме был осуществлён качественный скачок – от простого суммирования/обобщения совокупности античных тем, образов и мотивов к синтезу нового художественного целого. Интересно, что современное литературоведение вообще стремится к комплексности исследования античной составляющей в культуре мира разных эпох. Так или иначе, доминируют три варианта рассмотрения вопроса:

а) анализ ментальности, религии и культуры античного мира как системы [10];

б) изучение античных мотивов как единства внутри какой-либо иной национальной традиции [11];

³ В прямой соотнесённости с античным анакреонтическим идеалом, как было замечено Л.И. Савельевой, оказывается фактически вся система этико-эстетических идеалов поэзии пушкинской поры. Именно русская анакреонтика «свидетельствовала о повышенном интересе к человеку, утверждала богатство его внутреннего мира, значительность его индивидуальных чувств, способствовала самосознанию личности русского человека» [8, с. 3–4].

в) выявление процессов генезиса и эволюции «эллинского слова» через призму семиозиса [12].

В сравнительно недалёком будущем вперёд от эпикурейского романтизма на хронологической оси – порубежный феномен акмеизма, с родственным перенесением поэтики двоемирия из «вертикального» в «горизонтальное», пёстрое пространственно-географическое измерение. Г.С. Кнабе пишет, что для Серебряного века в отечественной словесности (и, в частности, для такого самобытного явления в нём, как акмеизм) характерно «восприятие античной классики в амальгаме с русской культурой пушкинской эпохи» [9, с. 13].

Несмотря на то что круг авторов эпикурейского романтизма в русской литературе первой половины XIX в. достаточно локален, этому течению удалось вполне мобильно сориентироваться в контексте культуры Нового времени и создать свои программные платформы. Назовём, к примеру, издания А.П. Беницкого (в первую очередь – иллюстрированный литературный ежемесячный журнал «Цветник», первый номер которого увидел свет в 1809 г.), манифест К.Н. Батюшкова «Похвальное слово сну» (1809, 1816) (БС, с. 298–309) или ролевую, ярко мифологизированную «гусарскую лирику», основателем которой считается Д.В. Давыдов.

Любопытно, что именно локальная поэтика эпикурейского романтизма во многом способствовала перестройке системы мирового романтизма на русской почве, вступив в известные противоречия с такими соседствующими «ветвями», как религиозно-философский романтизм, любомудрие. Этот аспект рассмотрения нам представляется приоритетным.

Итак, первое и основополагающее заключается в том, что эпикурейский романтизм «усомнился» в продуктивности классического устойчивого романтического двоемирия и занялся поисками новых художественно-философских путей. Ближайшая линия преемственности пролегла у него к предромантизму. Так, один из создателей эпикурейско-романтической традиции К.Н. Батюшков, к примеру, является прямым учеником и правопреемником ведущего предромантика России М.Н. Муравьёва [13, 14], что немаловажно также многомерно интересовавшегося мирокартиной античности (см. [15]). Предромантизм впервые в литературной традиции Нового времени попробовал отойти от чёткого бинаризма к трёхзвенной структуре, предложив концепцию так называемого троемирия, где между контрастными полюсами – земного и небесного – «вплавлен» примиряющий их гений (подробнее об этом см. [16, с. 166–167]).

Согласно современным гипотезам философов и теоретиков литературы [17–20], тринитарное мышление всё увереннее становится доминантой в истории человеческой цивилизации. В целом такого рода концепции стремятся к достижению двух мировоззренческих целей:

а) преодолеть характерные для жёсткой двуполюсности, бинарности «крайности противостоящих ценностных представлений в общественном сознании» путём порождения и развития «третьего, альтернативного смысла» [21, с. 4];

б) выявить в кажущейся несовместимости «унисон диссонансов», по определению Б.Г. Кузнецова [22, с. 23].

Эпикурейский романтизм в вопросе о тринитарности достаточно осторожен и всё же существенно смелее многих смежных с ним явлений литературной

культуры. Так, если в христианизирующем религиозно-философском романтизме В.А. Жуковского посредником-примирителем между мирами-хронотопами скорбного *здесь* и очарованного *там* становится тонкая «прослойка» чудного мгновенья⁴, то для романтиков-эпикурейцев намного интереснее вселенная сна. Священная триада, по Батюшкову, – «сон, надежда и добрая совесть» (БС, с. 304). Вообще, стоит заметить, что сон выступает в поэтике последнего главным примирителем, даже в извечно не разрешаемом конфликте смерти и бессмертия [23]. Здесь мы, вне сомнения, наблюдаем случай «структуры Троицы» (Б.В. Раушенбах), где все базисные элементы нераздельны, неслиянны (различимы) и специфичны [19, с. 76, сн. 7]. Согласно Р.Г. Баранцеву, это, более того, наглядный пример системной триады, где каждый из трёх элементов «способен к разрешению конфликта» и подготавливает ячейку синтеза, новое качество [17, с. 10–11].

В те же годы, что и у К.Н. Батюшкова, тринитарная поэтофосфская структура, создаваемая вокруг архетипа сна, у А.А. Дельвига становится ещё яснее, более определённой: место зыбкой надежды уверенно занимает счастье. Ср. два идиллических послания поэта: «Тихая жизнь» (I) и «Бедный Дельвиг» (II), написанные между 1814 и 1817 гг.

I

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
Ногою не шагнёт, мечтой не унесётся;
Кто с доброй совестью и с милою своей
Как весело заснёт, так весело проснётся... (ДКИ, с. 81).

II

О счастья не говорит,
Но **счастье с тобою**
Живёт – и будет вечно жить
И с ленью святою! (ДКИ, с. 82).

Есть основания полагать, что именно полифоничная гармоничность, примирляющая многозвенность, кроется в основании идиллического по своей природе мировидения автора⁵.

Символообраз сна («лености святой», как у Дельвига) в творчестве романтиков-эпикурейцев покоряет своей власти даже море – образ-средоточие исконного романтического бунта (в параллельной версии – от В.А. Жуковского до Н.М. Языкова – поток); в итоге рождается новый многомерный лирический образ моря-сна (либо сна-моря) (подробнее об этом открытии в его эволюции см. [25, с. 103–109]). Примеров в системе собственно эпикурейского романтизма достаточно много, причём и у поэтов, находящихся в самой гуще новаций, и у писателей других литературных традиций – ответвлений романтизма.

Показательна идиллия «Купальницы» А.А. Дельвига, где наслаждение красотой как потоком (океаном жизни) смиряет бунтарское начало и достигает гармонии в царстве сна-моря:

⁴ Несколько особняком стоит ранняя лирика Н.И. Гнедича – едва ли не единственный пример свободного спокойного синтеза эпикурейских мотивов и освящённой В.А. Жуковским религиозно-философской традиции, но этот предмет требует отдельного, специального и развёрнутого, аналитического разговора.

⁵ О жанровом аспекте проблемы в современном дельвиговедении см. [24].

Сладким вельням Морфея покорствуй! (ДКИ, с. 163).

Не менее интересный репрезентативный пример – философско-эротическая грёза «Леда» Е.А. Боратынского (БЛ, с. 107–108).

Внутри мира сна, столь важного и смыслопорождающего для тринитарного по природе мышления эпикурейского романтизма, происходит и «переплавка» образа лирического героя. Главенствующими выступают двое, а именно: *спящий мудрец* и *грезящий* (то есть *спящий наяву*) *странствователь*. И если в первом случае мифологизированный образ с оригинальными автобиографическими параллелями воплощён А.А. Дельвигом (см., например, его «Бедный Дельвиг» (между 1814 и 1817 гг.) (ДКИ, с. 82), то во втором случае диапазон примеров пестрее – от манифеста К.Н. Батюшкова «Странствователь и домосед» (1815) (БС, с. 128–136) до гусарского полифонизма в лирике Д.В. Давыдова, где сон – не только воспоминание о былых боях/победах («Гусарский пир» (1804)) (ДС, с. 59)) или наваждение любовной страсти («Не пробуждай...» (1834) (ДС, с. 104–105)), но и мечтания о рае простоты («Бурцову...» (1804) (ДС, с. 56–57)).

В конечном итоге тринитарность эпикурейского романтизма именно через образ волшебного сна созидает особенную поэтику диалога⁶. Сверхзадача – примирить *здесь* и *там*. Нетленно перенестись в золотые сады вечности мечтает К.Н. Батюшков в противовес скорбному пафосу аксиомы-приговора у В.А. Жуковского:

Там не будет вечно здесь (ЖП, с. 47).

Наследуя от античной поэтики идею о вине как пути к мудрости, а от ближайшей предромантической традиции мотив священной хмельной дружбы (см. [27]), представители эпикурейского романтизма синтезируют её с характерной сакрализацией земной, плотской красоты. Один из самых прозрачно-наглядных вариантов – образ вакханки:

И по роще раздавались
Эвоэ! и неги глас! (БС, с. 118).

Однако если, к примеру, в анакреонтике вино и красота выступали всё же равноправными и самостоятельными, суверенными спутниками (из поздних гениальных творческих переложений-подражаний, как известно, пушкинское «Моё завещание. Друзьям» (ПС, с. 360–362)), то теперь векторы сходятся в новом фокусе – на концепте «мудрость».

В итоге опять-таки перед нами оказывается трёхзвенная система с вершиной на последнем из обозначенных символаобразов. Закономерно в этой связи, что Н.М. Языков неозепикурейскую поэтику хмеля связывает одновременно со своей историософской русофильской концепцией и с характерными для романтизма натурфилософскими представлениями о мудром хмеле стихий (см., например, «Песню» («Всему человечеству...») (1827) (ЯС, с. 203–204) и «Пожар» (А. Петерсону) (1831) (ЯС, с. 261) соответственно). В последнем из названных посланий спасённая из огня юная красавица не только перенимает у разбушевавшегося огня его силу, но и поднимает эту красоту мироздания на новый, близкий божествам уровень, когда в равной степени и пламя, и одухотворённая

⁶ Из масштабных исследовательских проектов первого десятилетия XXI в. весьма примечательна в данном случае монография Е.Н. Федосеевой [26].

красота человека сливаются с третьей дружественной стихией водного потока.
Ср.:

Шумел и выл огня блистательный разлив (ЯС, с. 261).

Или:

Как прежде, белизну возвышенных грудей
Струями, локоны золотые, осыпайте!
Ланиты и уста, цветите и пылайте! (ЯС, с. 261).

Постоянные взаимопроникновения в этом философском смысловом треугольнике (вино – красота – мудрость) подготавливают и создают даже новые ценности в общей аксиологической системе миропонимания. Одним из главнейших ориентиров становится, если воспользоваться приёмом синтеза инвариантных метафор эпикурейского романтизма, мудрость хмельной красоты. По сравнению с первичным обожествлением женской красоты здесь диапазон можно проследить в уже приведённых нами выше произведениях Н.М. Языкова: существенно более «расплёснут» и свободно может выйти на новом витке к такому образу-архетипу античной литературной культуры, как пир. Именно он выступает в истории литературной культуры человечества в качестве одной из наиболее «компактных» и универсальных моделей счастья (см. [28]).

Любопытно, что высокое, сакрализующее свободно может сочетаться в гедонистической эстетике пира и с ласково-сниженным. В языковской «Песне» «красоткам чувствительным, красоткам лихим» столь же доступен дар бессмертия, как и славящему их поэту во хмелю пира (ЯС, с. 203). Необычно преобразуется эпикурейская мифология пира в так называемом внеженском контексте и в ряде посланий Д.В. Давыдова, например «Бурцову. Призывание на пунш» (ДС, с. 56–57). Ещё важнее и ярче то, что в изначально контрастной «гусарской лирике» Давыдова⁷, особенно в его произведениях, где затрагивается тема любви (см. [30]), блестяще, наглядно обнаружим классический эпикурейский идеал гармонии покоя. Так, исповедь в миниатюре «Гусар» заканчивается строками:

Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнёздышко свивает... (ДС, с. 76).

В миниатюре-притче «Вечер в июне» лирический герой, отринув «томительный, палящий день», находит озарённую «таинственным лучом мечтания» розу-мудрость (ДС, с. 78), а позже в элегии «Выздоровление» появляется итоговый образ покоя, примиряющего всё и вся:

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
<...>
И смерть и жизнь при встрече с ней...
Исчезло всё! – Покой желанный
У изголовья сидит... (ДС, с. 116).

Наконец, оригинален и самостоятелен эпикурейский романтизм на уровне эмотивно-стилевого. Речь идёт об особой, смягчённой, светлой вариации иро-

⁷ О столкновении мифотворческих и антимифологических тенденций в стихотворениях поэта см. [29].

нии⁸. В сравнении с сарказмом романтизма гражданского, мировоззренческим кризисом – богоборческого, а также антиироничной религиозно-философской школой, здесь уютное всевластие юмора, причём не отрицающего, не разрушающего, а опять же «стягивающего» былые контрасты-полюса в новый примиряющий «трином». У К.Н. Батюшка, например, в «Эпитафии» («Не нужны надписи для камня моего...») юмористическое отношение лирического «я» к собственной кончине – ещё один путь к бессмертию (БС, с. 204). В вольном «Подражании Беранже» А.А. Дельвига встречаются в некоем междумирье (кстати, на перекрестке мотивов сна (дремоты) и священного хмеля) Бог и человек, как результат налицо единый новый образ (ДКИ, с. 111–112).

Безусловно, пафос иронии в русском эпикурейском романтизме – предмет отдельного специального разговора. Здесь же, подводя итог, заметим, что романтиками-эпикурейцами предпринята, по-видимому, последняя в истории нашей литературной культуры «бескровная» идиллично-гармоническая попытка найти идеал человечества в земной жизни, причём одновременно создаётся один из первых литературно-философских проектов по исследованию явления уравнивающей всё тринитарности. В кругу ближайших преемников эпикурейского романтизма следует назвать, во-первых, русскую антологическую лирику второй половины XIX в. и, во-вторых, лирико-философские эксперименты Серебряного века.

Источники

- ПС – Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 1. – 744 с.
- БЛ – Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1957. – 412 с.
- ЖП – Жуковский В.А. Избранное. – Л.: Худ. лит., 1973. – 456 с.
- БС – Батюшков К.Н. Сочинения. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1979. – 400 с.
- ДКИ – Дельвиг А.А., Кюхельбекер В.К. Избранное. – М.: Правда, 1987. – 640 с.
- ЯС – Языков Н.М. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1988. – 592 с.
- ДС – Давыдов Д.В. Сочинения. – М.: Современник, 1984. – 302 с.

Литература

1. Kristeller P.O. Greek Philosophers of the Hellenistic Age. – New York: Columbia Univ. Press, 1993. – 191 p.
2. Тихомиров М.Н. Философия в Древней Руси // Русская культура X – XVIII вв. – М.: Наука, 1968. – С. 90–172.
3. Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI – XVI вв. // Тр. Отд. др.-рус. лит. – 1979. – Т. 33. – С. 3–31.
4. Шахнович М.М. Философия религии Эпикура и эпикурейская традиция в истории европейской мысли: Дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2000. – 326 с.
5. Асмус В. Значение философии Эпикура // Асмус В. Античная философия. – URL: <http://www.philosophica.ru/asmus/126.htm>, свободный.
6. Философия Эпикура. Гедонизм. – URL: <http://freephilosophy.net/filosofiya-Epikura-gedonizm.html>, свободный

⁸ Подробнее об этом феномене в общей системе русского романтизма см. [31, с. 338–365].

7. Федосеева Е.Н. «Что восхитительнее, краше свободных дружеских бесед...»: Литературные диалоги поэтов Пушкинской плеяды. – М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2003. – 239 с.
8. Савельева Л.И. Античность в русской романтической поэзии: (Поэты пушкин. круга). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 79 с.
9. Кнабе Г.С. Русская Античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 240 с.
10. Суриков И.Е. Античная Греция: ментальность, религия, культура. – М.: Языки славян. культуры, 2015. – 719 с.
11. Музы у зеркала: Античные мотивы в русской литературе. – М.: Нов. хронограф, 2015. – 617 с.
12. Асоян А.А. К проблеме семиозиса «эллинского слова» в русской литературной классике // Критика и семиотика. – 2015. – № 1. – С. 9–100.
13. Яценко О.А. Наставник и воспитанник (М.Н. Муравьев и К.Н. Батюшков) // Педагогика. – 1992. – № 11–12. – С. 66–70.
14. Сионова С.А. Влияние поэтического наследия М.Н. Муравьева на поэзию К.Н. Батюшкова // Михаил Муравьев и его время. – Казань: Школа, 2017. – С. 52–58.
15. Прокопьева Л.Б. М.Н. Муравьев и античность: Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2010. – 26 с.
16. Пашкуров А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: в 2 ч. – М.: Флинта: Наука, 2017. – Ч. 2. – 536 с.
17. Баранцев Р.Г. Становление тринитарного мышления. – М.; Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005. – 123 с.
18. Раушенбах Б.В. О логике триединности // Вопр. философии. – 1990. – № 11. – С. 166–169.
19. Меськов В.С. Методология тринитарности // Вопр. философии. – 2013. – № 11. – С. 66–76.
20. Нигматуллина Ю.Г. «Срединная культура»: диалог бинарного и тринитарного мышления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 1. – С. 26–42.
21. Давыдов А.П. Становление «срединной культуры» в России (на материале русской литературы первой половины XIX в.): Дис. ... д-ра культурол. наук. – М., 2002. – 561 с.
22. Кузнецов Б.Г. Современная наука и философия: пути фундаментальных исследований и перспективы философии. – М.: Политиздат, 1981. – 184 с.
23. Кошелев В.А. Мотивы смерти и бессмертия в лирике Батюшкова // Мои Пенаты. Русская провинция и её роль в истории культуры. К 230-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова: Материалы науч. конф. (Вологда, 29–30 мая 2017 г.). – Вологда: Вологод. обл. универсальная науч. б-ка им. И.В. Бабушкина, 2017. – С. 7–16.
24. Елисеева О.И. Жанр идиллии в творчестве А.А. Дельвига // Античные жанры в развитии русской литературы XVIII – XIX вв.: в 2 ч. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. – Ч. 1. – С. 66–86.
25. Иваницкий А.И. Онтология моря в русских поэтических системах. – Воронеж: Науч. кн., 2014. – 184 с.
26. Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века. – Мичуринск: МГПИ, 2009. – 317 с.
27. Голованова И.С. Концепт «вино» и культ дружбы в русской поэзии предромантиков // Предромантизм и романтизм в мировой культуре: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию проф. И.В. Вершинина: в 2 т. – Самара: Изд-во СГПУ, 2008. – Т. 2. – С. 30–33.

28. Панич С. Образы трапезы в художественном мире Г.Р. Державина // «Пир – это лучший образ счастья»: Образы трапезы в богословии и культуре: Сб. докл. ежегодного симпозиума памяти Н.Л. Трауберг. – М.: Библ.-богослов. ин-т св. Апостола Андрея, 2016. – С. 129–142.
29. Юхнова И.С. Денис Давыдов: мифотворец и разрушитель мифов // Литературное общество «Арзамас»: история и современность: Сб. тр. конф. (Арзамас, Н. Новгород, 20–23 мая 2015 г.). – Арзамас; Н. Новгород: Растр, 2015. – С. 254–265.
30. Кольшинева Е.В. Любовная лирика Д. Давыдова в контексте современной поэзии // Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII – XIX вв.: Сб. ст. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. – Вып. 2. – С. 172–186.
31. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. – М.: Наука, 1976. – 375 с.

Поступила в редакцию
26.01.18

Пашкуров Алексей Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: anp.72@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 66–77

Russian Epicurean Romanticism: Worldview, Motives, and Poetics

A.N. Pashkurov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia
E-mail: anp.72@mail.ru

Received January 26, 2018

Abstract

The present paper deals with the phenomenon of Russian Epicurean Romanticism of the first third of the 19th century in the context of both the fundamental postulates of Epicureanism and the advanced problems of studying the phenomenon of “Russian antiquity”. The poems of K.N. Batyushkov, D.V. Davydov, A.A. Delvig, and N.M. Yazykov have been analyzed. In the course of study, we have revealed semantic tendencies of the median culture, at the structural level actualized through the genesis and evolution of Trinitarian thinking in the system of national Epicurean Romanticism as well. The ethical program of the great ancient Greek philosopher Epicurus with ideas of a dialogue between the moment and eternity, purifying / cathartic spiritual bliss leading to immortality, attainability of the ideal perfection in mortal life is the closest one to national authors. The Epicurean Romanticism anticipating the discovery of Russian anthology lyrics of the second half of the 19th century and the literary culture of the “Silver Age” first starts the process of transforming the traditional binary thinking, rejecting the canons of the World Duality in many respects and synthesizing the new knowledge in the symbol images of “dream”, “hop plant as beauty” and “beauty as hop plant”, “peace”. A complex study of the peculiarities of the relationship between the Epicurean ideals of harmony and peace and the phenomenon of irony in poetics of Russian Romanticism is among the nearest research prospects.

Keywords: Epicurean Romanticism, Russian poetry of first third of 19th century, Trinitarian systems, archetypal images, median culture, ethical teaching on harmony, philosophy of Epicurus

References

1. Kristeller P.O. *Greek Philosophers of the Hellenistic Age*. New York, Columbia Univ. Press, 1993. 191 p.
2. Tikhomirov M.N. Philosophy in Ancient Rus'. In: *Russkaya kul'tura X – XVIII vv.* [Russian Culture of the 10th – 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1968. pp. 90–172. (In Russian)
3. Tvorogov O.V. Ancient myths in Old Russian literature of the 11th – 16th centuries. *Trudy Otdeleniya Drevne-Russkoi Literatury*, 1979, vol. 33, pp. 3–31. (In Russian)
4. Shakhnovich M.M. Epicurus' philosophy of religion and Epicurean tradition in the history of European thought. *Doct. Philos. Sci. Diss.* St. Petersburg, 2000. 326p. (In Russian)
5. Amus V. The role of Epicurus' philosophy. In: Amus V. *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Available at: <http://www.philosophica.ru/asmus/126.htm>. (In Russian)
6. Epicurus' Philosophy. Hedonism. Available at: <http://freephilosophy.net/filosofiya-Epikura-gedonizm.html>. (In Russian)
7. Fedoseeva E.N. "Chto voskhititel'nee, krashe svobodnykh družeskikh besed...": *Literaturnye dialogi poetov Pushkinskoi pleyady* ["What Is More Delightful, Finer than Free Friendly Talks...": Literary Dialogues of the Poets of the Pushkin Pleiad]. Moscow, Mosk. Gos. Obl. Univ., 2003. 239 p. (In Russian)
8. Savel'eva L.I. *Antichnost' v russkoi romanticheskoi poezii: (Poety pushkin. kruga)* [Antiquity in Russian Romantic Poetry: Poets in Pushkin's Circle]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1986. 79 p. (In Russian)
9. Knabe G.S. *Russkaya Antichnost': Soderzhanie, rol' i sud'ba antichnogo naslediya v kul'ture* [Russian Antiquity. Subject Matter, Role and Destiny of Antique Heritage in Russian Culture]. Moscow, Ros. Gos. Gumanit. Univ., 1999. 240 p. (In Russian)
10. Surikov I.E. *Antichnaya Gretsija: mental'nost', religiya, kul'tura* [Ancient Greece: Mentality, Religion, and Culture]. Moscow, Yazyki Slavyan. Kul't., 2015. 719 p. (In Russian)
11. *Muzy u zerkala: Antichnye motivy v russkoi literature* [Muses in front of the Mirror: Ancient Motives in Russian Literature]. Moscow, Nov. Khronograf., 2015. 617 p. (In Russian)
12. Asoyan A.A. On the problem of semiosis of "hellenic words" in Russian literary classics. *Kritika i Semiotika*, 2015, no. 1, pp. 9–100. (In Russian)
13. Yatsenko O.A. A tutor and a student (M.N. Murav'ev and K.N. Batyushkov). *Pedagogika*, 1992, nos. 11–12, pp. 66–70.
14. Sionova S.A. The impact of the M.N. Muraviev's poetic heritage on K.N. Batyushkov's poetry. In: *Mikhail Murav'ev i ego vremya* [Mikhail Muraviev and His Time]. Kazan, Shkola, 2017, pp. 52–58. (In Russian)
15. Prokopieva L.B. M.N. Muraviev and antiquity: Horatius and Vergilius in the writer's translations and works. *Cand. Philol. Sci. Diss.* Tomsk, 2010. 26 p. (In Russian)
16. Pashkurov A.N., Razzhivin A.I. *Istoriya russkoi literatury XVIII veka* [History of Russian Literature of the 18th Century]. Pt. 2. Moscow, FLINTA, Nauka, 2017. 536 p. (In Russian)
17. Barantsev R.G. *Stanovlenie trinitarnogo myshleniya* [Formation of Trinitarian Thinking]. Moscow; Izhevsk, Regul'yarnaya i Khaoticheskaya Dinamika, 2005. 123 p. (In Russian)
18. Raushenbach B.V. About logic of triunity. *Voprosy Filosofii*, 1990, no. 11, pp. 166–169. (In Russian)
19. Mes'kov V.S. Methodology of trinitarity. *Voprosy Filosofii*, 2013, no. 11, pp. 66–76. (In Russian)
20. Nigmatullina Yu.G. "Median culture": The dialogue of binary and trinitarian system of thought. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 1, pp. 26–42. (In Russian)
21. Davydov A.P. Formation of "median culture" in Russia (based on Russian literature of the first half of the 19th century). *Doct. Culturol. Sci. Diss.* Moscow, 2002. 561 p. (In Russian)
22. Kuznetsov B.G. *Sovremennaya nauka i filosofiya: puti fundamental'nykh issledovaniy i perspektivy filosofii* [Modern Science and Philosophy: Ways of Fundamental Research and Philosophical Prospects]. Moscow, Politizdat, 1981. 184 p. (In Russian)
23. Koshelev V.A. Motives of death and immortality in Batyushkov's lyrics. *Moi Penaty. Russkaya provintsyiya i ee rol' v istorii kul'tury. K 230-letiyu so dnya rozhdeniya K.N. Batyushkova: Materialy nauch. konf. (Vologda, 29–30 maya 2017 g.)* ["My Penates". Russian Province and Its Role in History

- of Culture. On the 23th Birth Anniversary of K.N. Batyushkov: Proc. Sci. Conf. (Vologda, May 29–30, 2017)]. Vologda, Vologd. Obl. Universal'naya Nauchn. B-ka. im. I.V. Babushkina, 2017, pp. 7–16. (In Russian)
24. Eliseeva O.I. The genre of idylle in A.A. Delvig's creative writing. In: *Antichnye zhanry v razvitii russkoi literatury XVIII – XIX vv.* [Ancient Genres in the Development of Russian Literature of the 18th – 19th Centuries]. Pt. 1. Petrozavodsk, Izd. PetrGU, 2014, pp. 66–86. (In Russian)
 25. Ivanitskii A.I. *Ontologiya morya v russkikh poeticheskikh sistemakh* [The Ontology of Sea in Russian Poetic Systems]. Voronezh, Nauchn. Kn., 2014. 184p. (In Russian)
 26. Fedoseeva E.N. *Dialogicheskaya osnova russkoi liriki pervoi treti XIX veka* [Dialogical Basis of Russian Lyrics of the First Third of the 19th Century]. Michurinsk, MGPI, 2009. 317 p. (In Russian)
 27. Golovanova I.S. The concept of “wine” and the cult of friendship in Russian poetry of the pre-romanticists. *Predromantizm i romantizm mirovoi kul'ture: Materialy nauchn.-prakt. konf., posvyashch. 60-letiyu prof. I.V. Vershinina* [Pre-Romanticism and Romanticism in the World Culture: Proc. Sci.-Pract. Conf. Devoted to the 60th Birth Anniversary of Professor I.V. Vershinin]. Vol. 2. Samara, SGPU, 2008, pp. 30–33. (In Russian)
 28. Panich S. Feast images in G.R. Derzavin's artistic world. In: *“Pir – eto luchshii obraz schast'ya”*: *Obrazy trapezy v bogoslovii i kul'ture* [“Feast is the Best Lifestyle”: Images of Meal in Theology and Culture]. Moscow, 2016, pp. 129–142. (In Russian)
 29. Yukhnova I.S. Denis Davydov: A myth-maker and a myth-buster. *Literaturnoe obshchestvo “Arzamas”*: *Istoriya i sovremennost'*: *Sb. tr. konf.* [“Arzamas” Literary Society: History and Modern Age: Proc. Conf.]. Arzamas, Nizhny Novgorod, Rastr, 2015, pp. 254–265. (In Russian)
 30. Kolyshneva E.V. D. Davydov's love lyrics in the context of modern poetry. In: *Klassitsizm i neoklassitsizm v russkoi literature XVIII – XIX vv.* [Classicism and Neo-Classicism in Russian Literature of the 18th – 19th Centuries]. Petrozavodsk, Izd. PetrGU, 2012, no. 2, pp. 172–186. (In Russian)
 31. Mann Yu.V. *Poetika russkogo romantizma* [Poetics of Russian Romanticism]. Moscow, Nauka, 1976. 375 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Пашкuroв А.Н. Русский эпикурейский романтизм: мировоззрение, мотивы, поэтика // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 66–77. ⟩

⟨ **For citation:** Pashkurov A.N. Russian Epicurean Romanticism: Worldview, motives, and poetics. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 66–77. (In Russian) ⟩